

Артамонов Г.Н.
Artamonov, GN.

Фундаментальные черты идентичности русского самосознания и характера

Fundamental Features Identichenosti of the Russian Consciousness and Character

УДК 165.2

Аннотация

Артамонов Г.Н.

заместитель главного редактора журнала «Уровень жизни населения регионов России», кандидат философских наук, доцент.

Адрес: 105043, Москва 4-я Парковая улица, д. 29.

E-mail: art.gn@mail.ru

Аннотация

Объект. Русский культурно-исторический тип, фундаментальные характеристики идентичности русского самосознания и национального самосознания.

Предмет. Духовно-нравственные ценности в идентификации русского самосознания, основные черты русского культурно-исторического типа. Наднациональное – духовное и культурное основание русской идентичности. Критерии отнесения к русскости / не русскости.

Взаимнопосредование между культурой, менталитетом и национальным характером. Культуроцентричность менталитета и характера.

Проблема. Интерпретация базовых ценностей русского самосознания как ценностей:

- 1) наднациональных;
- 2) духовно различных по конфессиональным основаниям: а) христианство / язычество; б) христианство / инославие; г) православие / католицизм, православие / протестантизм;
- 3) особой культурной традиции (специфика культурно-исторического типа).

Черты русского менталитета и характера: терпеливость, смиренность, кротость, скромность, сердечность, покаянность, мессианство. Проблема «незавершенности и неопределенности» русского характера.

Методология. Подчинение принципа гармоничности принципу иерархичности – методологическое основание в понимании духовной жизни русского народа, в формировании личности человека.

Цель. Философские и религиозные принципы в систематизации анализа русского культурно-исторического типа.

Artamonov, GN

Deputy Editor-in-Chief of the journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia», PhD, Associate Professor.

Address: 29 4th Parkovaya Street, Moscow 105043, Russian Federation. Email: art.gn@mail.ru

Abstract

Object. Russian cultural-historical type, the fundamental characteristics of the identity of Russian consciousness and national identity.

Subject. Spiritual and moral values in the identification of Russian self-consciousness, the main features of Russian cultural-historical type. Supranational - the spiritual and cultural foundation of Russian identity. Criteria for being Russian / Russianness is not.

Interconnection between culture, mentality and national character. Kulturotsentrichnost mentality and character.

The Problem. Interpretation of the basic values of Russian identity as values:

- 1) supranational;
- 2) different denominational spiritual reasons: a) Christianity / paganism; b) Christian / heterodoxy; g) Orthodoxy / Catholicism, Orthodox Christianity / Protestantism;
- 3) specific cultural traditions (specific cultural and historical type).

Features of Russian mentality and character: patience, humility, meekness, humility, sincerity, repentance, messianism. The problem of «incompleteness and uncertainty» of the Russian character.

Methodology. Submission principle garmonichesti principle of hierarchy - methodological basis to understand the spiritual life of the Russian people, in the formation of human personality.

Purpose. Philosophical and religious principles to systematize analysis of Russian cultural-historical type.

Key words: cultural-historical type, anthropology, values, traits of the Russian character

Ключевые слова: культурно-исторический тип, антропология, ценности, черты русского характера

1. **Ontos** духовного начала в душе человека и в соборном единстве народа

Протоиерей Василий (Зеньковский) в «Принципах православной антропологии» [Зеньковский, 1997, 17], рассуждая о «различии «подлинной» природы в человеке и его эмпирического характера, ставит вопрос о духовно-онтологическом основании самосознания и характера. Человек наследует менталитет и характер не только от родителей и окружающей его социальной среды, но он, прежде всего, имеет духовное наследие – нравственный закон, запечатленный в Совесть¹. Из принципа Творения человека по Образу и Подобию Божию, человек наследует духовный «ontos» [Григорий Нисский, 1995, 14] - душу, которая тройственна по Образу (дух-душа-тело; ум-чувства-воля») и в своей душе имеет духовное задание – развить данный от рождения Залог духа, а не угасить его [Артамонов, 2005, 7]. Образ Божий в каждом индивидуе или, в целом, в народе - может меркнуть и частично утрачиваться если человек или народ отклоняется от духовного пути и погружается в грехи и страсти, но, даже и в этом случае, Образ Божий в человеке не может исчезнуть до конца. Даже в самом большом грешнике Образ Божий храниться, возможно лишь как бесконечно-малая величина, ибо это онтологическое основание для Спасения души через покаяние и обращение к Богу [Феофан Затворник, 1899, 45]. Но атрибут «Подобия», в бездуховной жизни может быть утрачен полностью. Атрибут подобия означает подобность – т.е. сознательное, сердечное и волевое стремление человека к уподоблению Христу по образу мысли, образу сердечных расположений и образу жизни человека [Лука Войно-Ясенецкий, 1997, 35]. Утрата Подобия – путь минимизации Образа Божия в глубине духа и души человека. Возрождение в Подобию – путь усиления того онтологического ядра духа, который преобразует душу и ведет к доминированию Образа Божия в душе человека [Артамонов, 2005, 7].

Протоиерей Василий (Зеньковский) сосредотачивает внимание на анализе жизни и духовном пути человека в аспекте проблемы «Образа и Подобия». Весь эмпирический характер наш ко времени, когда мы можем и хотим управлять собой, предстает перед нами уже как «крест» [Зеньковский, 1997, 17]. По существу, мы сами очень ответственны за то, каков наш эмпирический характер, наши привычки, состояние нервной системы, — но запоздалое сознание, что мы могли бы в детстве поступать иначе и иметь другие привычки, не облегчает, а лишь усложняет положение.

1 В философии и духовной письменности «совесть» часто интерпретируется как «со-весь» - т.е. духовное знание унаследованное от Бога и как вершина всего Знания – Сознание, индивидуальное и общеродовое Самосознание человека.

«Так часто люди становятся рабами своего «вчерашнего дня», своего «характера» — и в сознании своего бессилия, своих болезней как бы осознают свой «крест». Но, не отвергая всей эмпирической «массивности» того, что мы находим в себе в эпоху своего пробуждения к духовной жизни, надо сказать, что здесь есть много мнимого, т.е. мнимых трудностей «характера», от которых человек мог бы, если бы очень захотел, освободиться. Потому-то мы в зрелые годы с такой болью думаем о непоправимых ошибках в нашем детстве и юности» — отмечает прот. Василий (Зеньковский) [Зеньковский, 1997, 17].

Неизбежно в жизненном пути человека возникают отклонения от того духовного *ontos'a*, духовного Залога, который он унаследовал от Бога. Но человек получает руководящие импульсы Совести. Более того, Премудрость Божия руководит им, меняя вокруг человека обстоятельства жизни, меняя поле его жизненных выборов, подавая ему советы, как бы случайно, через окружающих его людей и, промыслительно ведет его по пути спасения души. Задача человека услышать Совесть и следовать за перстом Премудрости Божией, указующей путь. Но, по мере роста гордости, своеволия, своемудрия и всего букета страстей [Феофан Затворник, 2003, 46], человек все реже и все слабее ощущает импульсы Совести и Премудрости. В итоге жизненный путь [Абульханова-Славская, 1991, 2] становится извилистым и ложным.

Святоотечественная письменность о характере и духовных качествах человека

Необузданный характер: «Душевную радость изъясняет светлая с приличием улыбка, но смеяться громко, всем телом приходя в сотрясение, свойственно человеку необузданному». (Василий Великий).

О «кичении ума»: «Человек все приписывает себе и отвергает Божий Промысел. Это ведение порождает страх за тело, малодушие, печаль, боязнь людей, разбойников, смерти, болезни, зверей. Апостол сказал о таком ведении «разум бо кичит» (1 Кор. 8, 11). (И. Сирин).

Самовозношение: «Самовозносящийся — властолюбив и склонен к насилию, презрителен и непокорлив, лицемерен и тщеславен; обижен — мстит, жаждет славы и чести; когда слаб душою — дерзок, своенравен, склонен к пересудам». (Феофан Затворник). «Всякий труд и всякий успех в делах производит взаимную между людьми зависть» (Евкл. 4, 4).

В Библии читаем: «Премудрость возвышает сынов своих и поддерживает ищущих ее» ... «кто вверится ей, тот наследует ее, и потомки его будут обладать ею: ибо сначала она пойдет с ним путями извилистыми, наведет на него страх и боязнь и будет мучить его своим водительством, доколе не уверится в душе его и не искусит его своими уставами» [Кн. Премудрости Иисуса сына Сирахова, 1, гл. 4, стих 12; 17-19].

Пути человека извилисты, поскольку душа его «извилиста», ибо сочетает духовный *ontos* с греховными напластованиями эмпирической жизни.

Душа энтелехийно ищет того, что ей от Бога положено иметь, но в силу извилистости - еще больше пристращается к запретным плодам, которые не должно иметь [Зеньковский, 1995, 18].

В свыше данных человеку дарах, по мере того, как складывается его личность, накапливаются напряженности, расщепляющие душу и приводящие ее к конфликту с духовным *ontos*, и, в итоге, - к разрыву с Богом. «Извилистость» природы, умноженная на извивы эмпирических отклонений от законов духовной жизни [Феофан Затворник, 1991, 47], порождает внутренний раскол в душе, распад личности [Ильин, 1993, 24] и, как следствие, – гибель души.

Порочная наследственность и эмпирические отклонения деформируют менталитет и характер человека таким образом, что сама «природа человека» [Немезий, 1996, 40] нисходит в деградирующем ряду:

1. духовная природа трансформируется в душевную (смесь добра и зла, смесь добродетелей и пороков: душевность – синоним духовной половинчатости и страстности), и,

2. став душевной природой, - легко опускается до «плотской природы» (т.е. до «духовного нуля». Перед ниспосланием Потопа на первое человечество Господь с сокрушением сказал: «Зане суть плоть» - т.е. люди полностью не способные к духовной жизни).

2. Цель развития: принцип гармоничности или иерархичности

В советской парадигме воспитания человека одним из основополагающих принципов развития объявлялся принцип гармоничности. Его обоснованию служили не онтологические принципы, а идеологическая доктрина большевиков. Принцип развития человека выводился не из того как организованы природа Вселенной и человека, не из того, что является аксиомой системности мироздания, а из политической доктрины «всеобщего равенства»: равенство умственного и физического труда, равенство мужчины и женщины, равенство по этно-демографическим и прочим основаниям.

Прот. Василий (Зеньковский) называет подобные установки методологической ошибкой [Зеньковский, 1997, 18]. Вселенная, - говорит он, - устроена не гармонически, а иерархически. Принцип гармоничности предполагает «равенство»: все равно друг другу, ничто не выше другого – это принцип «рядоположенности». Человеческий организм – иерархичен. Как бы мы могли существовать, когда желудок и мозг, сердце и стопа, нервная система и волосяной покров были бы «рядоположенными»? Вся физиологическая машина нашего организма соорганизована в систему, а,

следовательно, устроена иерархически, структурно-функционально, с соблюдением принцип первичности и вторичности, доминантности – субдоминантности, низшего – высшего. Прот. Василий (Зеньковский) обобщает: вся Вселенная иерархична. Иерархично устроен атом, биологическая клетка, человеческий организм. Если тело Мироздания всюду осистемлено и всюду иерархично, то почему душу человеческую нужно строить не иерархически, а гармонически [Зеньковский, 1997, 18]. С.С. Аверинцев писал о фундаментальной симметрии между Космосом и Разумом как о фундаментальном методологическом принципе иерархизма [Аверинцев, 1975, 3, с. 266-285].

Казалось бы, это совершенно ясная мысль, но почему-то ее всегда игнорировала советская идеология и педагогика. Ее обоснованию служило множество догм: «кухарка может управлять государством», «в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Конец такому государству и крах такому человеку. Мы отнюдь не оспариваем знаменитой и по своему замечательной фразы А.П. Чехова. Но он не имел в виду того, что с этой фразой сделали многочисленные «советские макаренки». Они поставили сплошной знак равенства между лицом, одеждой, душой и мыслями. Чехов с этим бы не согласился. Принцип гармонии модель равномерно распределенного хаоса, а принцип иерархии – модель системно организованного порядка [Лосев, 1988, 28].

Почему обсуждаемый принцип иерархичности столь важен, а принцип гармоничности отчасти опасен. Потому что из последнего легко сделать гильотину, уравнивающую высокое и низкое, главное и второстепенное, уравнивающую духовные вертикали с социально-экономическими и политико-правовыми горизонталями. Тогда система ценностей становится горизонтальной, человек – плоским, внутренний мир человека запутанным, лишенным истинных целей и подлинных оснований [Николаева, 1999, 41]. Так многие цитируют А.С. Пушкина: «Быть можно дельным человеком / И думать о красе ногтей» в духе равенства того и другого, но здесь Пушкин иронизирует, он ставит после слова «ногтей» двоеточие и расшифровывает философию подобного псевдо равенства: «К чему бесплодно спорить с веком? / Обычай деспот меж людей».

Принцип гармоничности подводит постоянно: сделав неравное – условно равным, человек переводит мысль к равенству – как бы подлинному, а затем, ложный принцип подчиняет человека «деспотизму привычки», «деспотизму стихийного обычая». Не все обычаи хороши. Одни обычаи выведены из православия и стали основой духовно-культурной традиции, но другие обычаи заимствованы из повседневности порочной жизни, о коих свят. Феофан Затворник говорил: «тлит злой обычай». В. Даль приводит русскую поговорку «Тля одежду тлит, а худые обычаи душу». Не вся-

кий обычай благ. Худых обычаев больше. Можно вспомнить языческие обычаи русской деревни: воры – «заворовывали» на Рождество, чтобы весь год удачно воровать; «девичьи гадания на суженого ряженого», сопряженные с магией и колдовством; пьяные обычаи загульной свадьбы, кулачные бои на масленицу и др. [Забылин, 1992, 15]. Но и благочестивые обычаи часто попадают под «деспотию» светских ритуалов: апостол Павел противопоставлял обычаи, основанные на духовных традициях и обычаи мира сего – т.е. человеческие обычаи, основанные на социальных привычках и причудах моды и ритуала [Аверинцев, 1989, 4]. Ап. Павел учил: «если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли обычаю поступаете?» (1 Кор.3:3). И, далее, ап. Павел пишет: «Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор.15:33).

«Человек вообще, — пишет о. Василий (Зеньковский), — ни в начале своего жизненного пути, ни в процессе созревания — не является гармоничным; помимо иерархической структуры души приходится признать, что само это иерархическое соотношение разных сил и даров таит в себе неизбежность или аритмии, или запутанности. Тайна человека заключена, таким образом, не в одной лишь структуре его, не только в динамике его жизни, но и в задаче, которую данный человек призван решить через свою жизнь, чтобы предстать пред Богом, — иначе говоря, тайна человека скрыта в его кресте» [Зеньковский, 1997, 19].

Феофан Затворник: «Так разум заоблачен, мечтателен и отвлечен, потому, что не удерживается сердцем и не правится волею; воля своенравна и бессерда от того, что не слушает разума и не смотрит на сердце; сердце не удержиимо, слепо и блажно, потому что не хочет следовать указаниям разума и не отрешается силою воли. Но мало того, что силы сии потеряли взаимную помощь, они приняли некоторое враждебное друг против друга направление, одна отрицает другую, как бы поглощает ее и сдает...» [свят. Феофан, 1993, 43].

Амвросий Оптинский дает духовные советы о начале освобождения души от ее раздвоенности и противоречивости: «Избегай вольности в словах, которая рождает мысли порочные. Как только заметишь себя на худой мысли, не останавливайся на ней, а поскорее отбрось ее от себя.» [Русская религиозная антропология, 1997, 42]. Но очень трудно человеку сделать даже эту начальную малость: «избегать вольности в словах».

Неслучайно в Библии сказано: «Наушник и двуязычник, да будут прокляты, ибо они погубили многих живущих в тишине. Язык третий многих поколебал и изгонял их от народа к народу; и разорял укрепленные города и ниспровергал дома вельмож; язык третий изгнал доблестных жен и лишил их трудов их; внимающий ему не найдет покоя и не будет жить

в тишине. Удар бича делает рубцы, а удар языка сокрушает кости; многие пали от меча, но не столько, сколько падших от языка» (Сирах. 28, 15-21). «Выражение сердечного изменения – лице. Четыре состояния выражаются на нем: добро и зло, жизнь и смерть, - а господствует всегда язык» (Сирах. 37, 21).

Схиигумен Савва: «Властность — черта характера, присущая людям, живущим вне Бога. Христианин по природе кроток, как и Христос. Не была ли в Христе неизмеримо сильная воля? Но Он был кроток и не допускал психического насилия над людьми. Подчинение темной силе может достигнуть крайней степени, которая называется «одержимостью» [Схиигумен Савва, 2000, 49]. Следует заметить, что одним из начальных проявлений одержимости являются частые приступы тоски и боязливости. Дьявол сидит в наших сердцах еще необыкновенно сильной раздражительностью; мы становимся иногда так больны самолюбием, что не терпим ни малейшего противоречия, препятствия вещественного или духовного, не терпим ни одного слова негладкого, грубого. В этой связи свят. Димитрий Ростовский сказал: «Простите меня, братия, если я всякого грешника, не думающего о своих грехах, назову бесноватым».

3. Культура - Менталитет - Характер

Культуроцентричность менталитета и характера. Отечественный тип культуры формирует менталитет и характер русского народа в существенной отличительности от менталитета и характера европейских и азиатских народов, поскольку культура России самодостаточна, не выводит себя из культур других народов, не испытывает внутренних импульсов к заимствованиям от других культур [Артамонов, 2012, 8].

Имитации, заимствования – показатель выпадения из собственной культуры – это показатель духовно - нравственной болезни. Активные заимствования были характерны лишь для «малого народа» («народа в народе» - отделившегося «осколка» - интеллигенции) в XVIII –XIX вв.: для «верхов» и внесловных разночинцев, что составляло не более 2 – 5 % населения и эта часть даже не может именоваться народом или его частью – это элементы, выпадающие из целого, это не уже не целое, а «фракции элементов». Но остальному – «большому» русскому народу тяготения к иным культурам несколько не было свойственно – своя культура бесконечна, ментально и психологически - полна и интересна, религиозно – абсолютна и «стерильна» в аспекте не смешиваемости ее с другими религиозными традициями [Артамонов, 2012, 8].

Активные имитации «верхов» и срединного «болота» свидетельствовали о катастрофически быстром течении духовной болезни, разрушающей культурно-исторический тип менталитета и русского национального ха-

ракти [Антология русской философии, 2000, 6]. Русский народ исконно чуждался иных культур, как не православных и в восприятии чужих нравов и обычаев видел апостасийные знаки – знаки отступления от веры, характерные для европейских цивилизаций [Антология педагогической мысли христианского средневековья, 1994, 5]. Интеллигенция в России вместе с европейской парадигмой образования обрела и духовные пороки [Артамонов, 2012, 9]. Дело не в содержании образования, а в сопровождающих его ценностных ориентациях, в сопутствующих духовно-нравственных основах иной культуры. Образованность формирует культурное лицо, но, когда это чужое лицо, тогда оно искажает нрав, дух, мировоззрение, все устройство души. Когда образование, заимствуется вместе с инокультурными ценностными фокусировками, тогда привносится не православные и не христианские воззрения, разрушает «традицию», которая является коренным основанием способов, форм жизни, устройство народной судьбы, личностного жизненного пути [Феофан Затворник, 1994, 44].

Такой способ усвоения образования душист духовность, соборный дух народа. Чужое образование всегда нигилистично, анархично и является «образованием пустоты» под формой «знания и прагматизма» [Назаров, 1999, 39].

Святитель Феофан Затворник писал: «Нас увлекает просвещенная Европа ... Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят к нам. ... но, припомните двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия и Бог помиловал ее. А теперь, кажется, начали забывать тот урок. Если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему» [Феофан Затворник, 1899, 45]. И далее: «Западом и наказывал и накажет нас Господь» [Феофан Затворник, 1899, 45].

У русских, как ни у какого иного народа, по мере тяготения к западному образованию, максимально проявилась стремление тотального копирования (в русском национальном характере лежит ориентация на абсолютизм) не только информационную сторону культуры, но и образ жизни, образ мышления и чувствования, в сочетании с яростным обругиванием собственной культуры и жизни, с помещением в собственную голову и сердце «Европы» в роли «идола-цензора», который, как тюремной надзиратель, контролирует: какие мысли и чувства должны появляться, а какие – не должны.

В.О. Ключевский пишет: «Чужой западноевропейский ум призван был нами, чтобы научить нас жить своим умом, но мы попытались заменить

им свои ум». Еще ценнее его следующее наблюдение: «Наши западники все еще заучивают западные учебники слово в слово и не умеют передавать их своими словами. Для них западная культура все еще работа памяти, а не сознания». Если зрелый человек пожелает поменять «русские мозги» и «русское сердце» на европейские, то из этого ничего не выйдет. Имитации западного мышления не оживут в нем, они останутся мертвыми протезами и будут «работой памяти, а не сознания». Забив русскую голову западными мыслями, мы можем ее покалечить, но не изменить и, сердце русское будет жить по-русски, имитации европейской жизни на русской почве не могут превзойти уровень эпигонских ужимок - нельзя изменить культуру – ее можно или продолжить, или разрушить. В культуре не возможны бартерные сделки под глупым именем «этнической аккумуляции» [Антология русской философии, 2000, 6].

Святоотечественная письменность о характере и духовных качествах человека

Гнев и кротость: «У терпеливого человека много разума, а раздражительный выказывает глупость» (Прит. 14, 29). «Честь для человека - отстать от ссоры, а всякий глупец задорен» (Прит. 20, 3). «Не будь сердцем твоим поспешен на гнев, потому что гнев гнездится в сердце глупых» (Еккл. 7, 9). «Насмешливый друг то же, что ярый конь, который под всяким ездоком ржет» (Прем. И. Сирах. 33, 6)

Разум – глупость: «Не спорь о деле, для тебя ненужном, и не сиди на суде грешников» (Прем. И. Сирах. 11, 9). «Мудрый человек молчит до времени, а тщеславный и безрассудный не будет ждать времени» (Прем. И. Сирах. 20, 7). «Притча из уст глупого отвратительна, ибо он не скажет ее в свое время» (Прем. И. Сирах. 20, 20). «Глупый в смехе возвышает голос свой, а муж благоразумный едва тихо улыбается» (Прем. И. Сирах. 21, 23). «Нога глупого спешит в чужой дом, но человек многоопытный постыдится людей» (Прем. И. Сирах. 21, 25). «Неразумный сквозь дверь заглядывает в дом, а человек благовоспитанный остановится вне» (Прем. И. Сирах. 21, 26). «В устах глупых – сердце их, уста же мудрых в - сердце их» (Прем. И. Сирах. 21, 29). «Поучающий глупого – то же, что склеивающий черепки» (Прем. И. Сирах. 21, 7).

Гордость и рассеянность ума: «Бог расточает мыслью и помыслами сердца гордых. Так сказала Пресвятая Богородица: «Если ты рассеиваешься мыслями, значит ты горд». Сокрушение сердца - не допускает увлекаться бесполезными помышлениями». (авва Дорофей)

Тщеславие: «Наблюдение укоризн. Многоглаголанье есть седалище тщеславия. Многоглаголанье рождается от худого образа жизни или от беспорядочного навыка. Порождение многоглаголанья должь уныние. Боязнь есть порождение тщеславия» (И

Русский характер - закон «Русской жизни» и «Русская идея». Раздвоенность и противоречивость русского характера хорошо известна. Главный корень раздвоения: характера двоеверия. Православное сознание и жизнь по христианской вере сочеталось с языческими ритуалами, обычаями и привычками. «Бытовая вера» язычества проявлялась в заговорах и другой магической практике: для сбора трав, для благоприятной погоды, против змеиного укуса, по наведению и снятию порчи, привораживанию,

волхованию против воров и для отыскание краденного, ворожбе, для охоты и рыбной ловли, чары на успех в суде и т.д. Языческие обычаи игрищ и гульбищ (масленица. Ночь Ивана Купала и т.д.) были повсеместными. Двоеверие формирует двоедушие, двоеумие – двойные стандарты как жизни, так и нрава, характера. С.Г. Пушкарев обобщает наблюдения отечественных и зарубежных исследователей русского характера оценкой: «диапазон добра и зла в русской жизни более велик, чем у других народов».

4. Основные черты русского характера и менталитета

Духовные качества

Воздержанность. В русском характере, как и во всем укладе русской жизни ярко проявилась экономическая, хозяйственно-бытовая, потребительская, нравственная воздержанность. Русские привыкли довольствоваться малыми и умеренными потребностями, проявляя невзыскательность (не капризность) вкуса и не претенциозность нравов. Нет амбициозной конкуренции в строительстве жилья. Домики у крестьян чаще всего типовые, очень небольшие и, весьма тесные: пятистенки, а то и четырехстенная изба на разросшуюся семью, включающую две-три семьи взрослых детей. «Семеро по лавкам» - дело обычное. Все дворовые постройки и сама изба миниатюрны и сделаны не только без роскоши, а, как бы, с легким небрежением. Большинство семей крайне экономны в приобретении одежды и обуви - есть что одеть и ладно. Не только по бедности. Евангельская простота и хозяйственная бережливость. Воздержанность в питании. Воздержанность тесно связана с другой аскетической чертой – нестяжательностью. Свят. Игнатий Брянчанинов указывает на такое взаимное проявление этих черт, как минимальна кухонная утварь, воздержание от излишества в количестве блюд и во всем режиме питания, воздержанность от излишеств комфорта и т.д. [Игнатий Брянчанинов, 1993, 22]. Воздержанность касалась и ограничений от проявления своенравия, капризности, раздражения окружающих, от обременения ближних просьбами. Своенравные подвергались едкому посмеянию. Даже небольшие пороки нравственного своеволия в детях находили скорый и крепкий укорот от отцов.

Доброта. Салтыков-Щедрин удивлялся необъятной множественностью «благодушных типов, которыми кишит народная толпа». Англичане Д. Пэрс, М. Уоллес и А. Нокс писали о «простой доброте» русского крестьянина: «эти качества займут свое место среди лучших факторов будущей европейской цивилизации» (но, видно не пригодились; для Европы, тем более, - для цивилизации потребность в диаметральных ориентациях души). Л. Толстой обращал внимание на то, что эта «доброта не сентиментальна и (не имеет) ... фарисейского наслаждения долгом». Н.О. Лосский замечал, что «в славянских языках в обилие уменьшительных, увеличи-

тельных и уничижительных имен» [Лосский, 1931, 32]. Он приводит примеры ласкательного варьирования личных имен: «Иван - Ваня, Ванечка, Ванюша; Мария - Маня, Маша, Машечка, Машенька, Машутка». Неличные имена: «дом - домик, домище, домина, домишко». Прилагательные: миленький, рад - радешенек. Наречия: рядышком, прямехонько. Не встречаемое в таком размахе больше нигде изобилие лингвистических средств выражения доброты покоряющей, любящей. Можно привести примеров и «доброты воинственной», наступающей на зло во имя защиты кого-либо от зла и недоброжелательства. Один примеров воинствующей, ратоборствующей доброты: «Ах, ты, идолище поганый!». Обидные прозвища (враг - важенок - вражище; лицо - рожа - морда - харя - рыло - ряха) из ругательных слов неожиданно и парадоксально переходили в ласкательные формы: рожица, мордашка, морденция, рыльце, харечка, ряшечка».

Совестливость. «Береги платье с нова, а честь (совесть) с молода», - гласит народное наставление. Русский человек легче погрешит перед законом, чем пойдет на сделку с совестью. Хранение совести — это хранение чистоты души и «гласа Божия». Аксаков подчеркивал: «Европа живет по внешней правде (законы, этикет, мораль), а Россия - по внутренней (по совести, по нравственному учению христианства)» [Антология русской философии, 2000, 6]. Русский нанесенные ему обиды терпит, а если осилил кого в столкновении - ищет у него прощения: «Не серчай - я с горяча ... так». Мучения совести больше мук телесных. Потому не редки были случаи добровольной явки с повинной, когда совершался тяжкий проступок. Всякий боялся с нечистой совестью предстать на суд Всевышнего, да и людей - совестился. Есть такая поговорка: «мужик напьется с бариним дерется, а проспится - свиньи боится». Чернышевский подбросил нерусский вопрос в толкование русской жизни: «Кто виноват?». Русскому не нужно искать виновных, не нужно поднимать бунт, чинить расправу - это противно русской душе. При таких постановках вопроса о виновности почти сразу следует энергичный ответ с сокрушением: «Сам виноват», «Мы сами виноваты», или, - «Не ищи виноватого на чужой стороне». Русские люди как отдельный человек, так и соборно, как народ - открыты суду своей совести и не умаляют, а усиливает его - это плод покаянное чувство. Русские люди, вдумываясь в свою неладную жизнь могут входить в длительное самостыжение, не вынося недовольства собой, обходят знакомого за знакомым, иной раз при встречах с людьми случайными (попутчикам, например) рассказывают о своих низких и глупых делах, казнят себя, ударяя в грудь, сокрушая себя жестоким словом самоосуждения. Европейцу этого даже невозможно понять. А русская публичная исповедь, публичное самораспятие хорошо описаны в отечественной романистике, хорошо известны многим по их житейскому опыту. Публичная и горячая исповедь с

2 Многие подчеркивали удивительную меткость прозвищ у русских.

самоосуждением, самоуничтожением, почти с моральным самоуничтожением – феномен православного народа и это обратная сторона любви к правде. Совесть – это стезя, направляемая сердцем, храмом совести, а уж потом – умом [Вышеславцев, 1992, 12]. А. Толстой называл русскую жизнь: «жизнью по сердцу, а не по правилам»

Покаяние. Принесение повинного чувства Богу и людям – постоянное состояние русской души. «Извиняйте, если что-то не так», – самая частая присказка в речи, особенно устойчивая в разговоре прощания, расставания. «Простите меня, дурака» с искренним самообличением без снисходительности к себе говорят в простом народе. «И, что ж я, окаянная, удумала...» – частая реплика при воспоминаниях. В рассказах о себе русские люди перемежают свою речь фразами: «Нет, чтобы мне дураку ... так я, как последний идиот...», «стыдно сказать, но я...», «с ужасом вспоминаю...», «как последняя свинья...», «по подлости своей, я...», «мне, мерзавцу, никакого прощения нет в том, что...» и т.д. В устах англичанина, датчанина, немца, француза, японца, индуса подобных фраз невозможно представить. А если еще учесть истовость самоукорений? Другого такого народа нет! В.О. Ключевский обращает нас на другую сторону покаянности характера, на особое устройство, в этой связи, русского ума: «Великоросс – историк от природы: он лучше понимает свое прошлое, чем будущее, он не всегда догадывается что нужно предусмотреть, но всегда поймет, что он не догадался. Он умнее, когда обсуждает что сделал, чем соображает, что нужно сделать. В нем больше оглядки, чем предусмотрительности, больше смирения, чем нахальства».

Русский человек жил воцерковленной жизнью, большинство людей причащалось раз в месяц – ежемесячная исповедь. А исповедь – это полный, нравственный переворот души, который нехристианские народы, да и большинство католиков и протестантов в современном мире и во всю жизнь ни разу не сделают. Будничные богослужения, литургии, на которых не единожды в неделю бывал русский человек, предстоя мысленно Господу, погружаясь в чувства, чередующие тихую радость, умиление с покаянием сердечного сокрушения о грехах, обновляли его нрав, преображали личность. Глубокое чувство покаяния внутренне требует от человека «принесения плодов покаяния» – уклонения от зла, творения добродетелей, искреннего изменения жизни. Ключевский напрасно смеялся: «В России, развилась особая привычка к новым эрам в своей жизни, склонность начинать новую жизнь с восходом солнца». Понятно, что люди поверхностные начинают «новую жизнь» и быстро заканчивают и всякий раз начинают одно и то же, не принося результата, но нация состоит не из поверхностных людей, тем паче, что русский народ преизобилует глубокими и цельными натурами с сильной волей и живым чувством сердечного покаяния, с рельефными и твердыми поступками. Этого, дей-

ствительно, нет в других народах и это, действительно, есть постоянное самосозидание, перерождение, переплавления всего своего «внутреннего человека» в огне воздвигаемой на себя совести.

Терпеливость. Терпеливость - плод веры и надежды. Не сильно пугается русский человек встречающихся ему угроз: «Грозцы грозят, а жильцы живут», - в его надежде Бог и он терпит все находящее на него с достоинством и спокойствием. Терпя несправедливости русский человек не ропщет, ибо в ропоте хула на Бога, и былыми заслугами не жалобит своего сердца: «По слуге бьют, не по заслугам». Русский приучается не только терпеть от других, но и терпеть себя самого, обуздывая свои порывы, досады, обиды на других: «Трижды прости, в четвертый похворости».

Легко ополчаться на чужой грех - не по-русски, надобно быть не только терпеливым и прощительным к чужим грехам, но в разумных случаях и покрывать их: «Закрой чужой грех - Бог простит тебе два!».

Русский научается терпеть любые обстоятельства жизни: бедность, непогоду, голод, враждующих. на него, болезни, наказания, - и во всем умеет найти оптимистические силы и равновесие духа. «Богатый бедного не кормит, а все сыты бывают», «Кто нужды не знал, досыта Богу не молился», «Нужда вежлива, голь догадлива», «Терпи голова, в кости скована». Терпение рассматривается как путь спасения, притом: путь неизбежный, поскольку в Евангелии говорится: «В мире скорбнии будите», «Кто до конца претерпит, той спасен будет». Поэтому и русские люди с упованием говорят: «Оттерпимся и мы людьми будем».

Каким бы безвыходными не казались ситуации, русские люди надеяться на спасающий случай. В надеянии на случай - доверие Промыслу Божию, и русское «авось» не недостаток, оно бывает недостатком при не духовном, бытовом надеянии, русское «авось» - разумно [Игнатий Брянчанинов, 1996, 21]. «Держись за авось, поколе не сорвался». «Сорвется» то, что было не в надежде на Промысел, а в надежду на себя, на свои планы, на свой якобы «трезвый» расчет. От самонадеяния жди беды. Под русским «молитвенным авось» твердое основание и неразумным оно кажется только неверу или иноверу, у нас говорили: «Наше авось не с дуба свалилось», - т.е. разумно и обосновано. Вообще «случаем правит Бог». Потому и русские люди говорили: «Всякое дело до случая. Все стоит до поры. Всякое время переходчиво». Такая организация ума и чувств, такое умозрение и давало россиянам силы для их воли не только к терпению, но и к долготерпеливости к разумно исполняемой долготепеливости с Верой, Надеждой и Любовью, с доверием к Случаю. Долготерпеливость русских столь велика, что шокирует как иностранцев, так малорусских (русских «по названию», а не «по духу»). «Цивилизованные народы» глумятся над ней, считая этот высокий Божии дар проявлением глупости, социальной

бездарности, непросвещенности. Запад злорадно кичится и надмевается, Западу кажется, что русских на любой мякине можно провести, ободрать как липку и поработить «Удел Матери Божьей» и подножие «Престола Небесного», поскольку маловерному, мало терпеливому Западу, живущему не сердцем, а гордым умом трудно понять Россию. Трудно рационалистической и меркантильной культуре: как можно не уклониться от ударов и не восстать на бьющего и не вырвать ему «Око за око, и зуб за зуб»? как можно поставить Случай выше плана? как можно терпя лютости не потерять радование духа? Это можно понять только, покоровшись Богу, став народом «богоносцем», но Запад - по внешности почтителен к Богу, а по духу - «богоборец». От того то их русская жизнь - раздражает, русская душа - не понятна, путь России – неясен [Франк, 1964, 48].

Смиренность. Советские люди потеряли «Дух смирения» и обрели сатанинский «Дух гордости». Раньше любили Державу и хвалились не собой, а Богом. Советские люди стали гордиться за страну, за достижения в науке и технике, за богатства недр и территорию. «Гордому Бог противится, а на смиренныя призирает», - и история стала нам противиться и пришла на нас «пагуба», исчез мир, укрепилось зло, терпение сменилось раздражением и враждой: отец на сына, сын на отца, партия на партию, власть на народ, - гордый на гордого. По мере реформ мы стали терять всякий предмет гордости - Бог указал на пустоту гордячества, но смирение не пришло, пришло гордое враждование на тех, кто отнял гордые символы самодовольства, вместо раскаяния и усмирения духа «гнева и ярости», поэтому и «чаша испытания» продолжает наполняться, а беды усугубляться.

Смиренность - это главное оружие против гордости и главное основание духовности русского человека, это ведущая черта русского характера. В смирении, прежде всего, проявлено терпение, затем послушание, потом: разумение, вера, надежда и любовь [Феофан Затворник, 1994, 44]. Смирение ведет к миру и единению, соборности в народе, единству не только в человеке всех его душевно-нравственных качеств, но и к единству в Державе, к миру и благополучию в общественной жизни к возвращению «богоносности». Часто не понимают суть смиренного устроения духа. Представляют смиренность как безответность, «непротивление злу насилием», под видом «жалкого человека». В смирении есть достоинство и свобода, в нем нет страха перед людьми, а есть Страх Божий, в нем есть мужественная борьба с порывами раздражительности и волевое понуждение к любви к ближнему и даже к врагам своим, пока волевым усилиям не заступит сама любовь, любовь по данной от Бога благодати, а не по человеческим расположениям души; смирение получает «дар» веры и ведет к полноте христианской любви. Смиренный человек не угрюм и не уныл. Если есть хоть тень уныния или печали, то это уже знак отступления из души смирения и любви. Смирение исполняется «радованием духа» вне

зависимости от тяжести обстоятельств или происков врагов, потому что основания радования в «надежде» на Бога, который «испытывает» и не оставляя испытуемого без помощи, дает испытания не выше сил каждого человека, но вознаграждает выдержавших испытания. Вот некоторые поговорки: «Смирение - Богу угождение, уму просвещение, душе спасенье, дому благословенье и людям утешенье», «Конь налогом берет, человек – смиреньем», «Не всех поименно, но всем по поклону», «Не смотри высоко - глаза запорошишь», «Гордым быть - глупым быть. Спесь на ум», «Гордому кошка на грудь не вскочит», «Спесь в добро не вводит», «У спесивого кол в шее», «Во всякой гордости черту много радости», «Чванство не ум, а недоумье», «Приказано вам кланяться, да не велено чваниться», «Не смейся горох над бобами, будешь и ты под ногами», «Сатана гордился, с неба свалился; Фараон гордился в море утопился; а мы гордимся - куда годимся», «Назови мужика братом, а он уж норовит и в отцы», «Пустили погреться, а он уж детей крестить», «Пустили бабу в рай, а она и корову за собой ведет», «Прочь грязь, навоз едет!», «Была бы пыль, да люди б сторонились». Сколько тонкого психологизма, разумного проникновения в добродетель смирения, столько же и активного противостояния гордости, чванливости, кичению, заносчивости, русские люди подмечали все малейшие разновидности гордости как в чертах характера, так и в быстро текущих ситуациях. Смирение требует напряжения ума, подчинения ума сердцу, оно требует очищения сердца, и смирение как чувство и как состояние духа не уныло и не безрадостно, оно синтез всех многоцветных чувств и их разумного баланса. Ясна была сверхценность смирения и кто - не имея достаточных внутренних сил, пытался соревноваться в смирении с действительно смирившимися людьми, или изображать эту добродетель внешним образом, о том говорили: «Уничжение паче гордости» и расценивали это как лжесмирение. Вот пословицы и поговорки о лжесмиренных: «Человек я маленький, шкурка на мне тоненькая», «Исподтишки ловит шишки», «молчан собака исподтишка кусает», «Тихая вода берега подмывает», «Теперь то нас мухи замарали, а бывало не слезали». А при общении с гордецами не отвечали им гордостью, а действовали смирением, но с ироническим обезвреживанием гордецов: «Где нам, дуракам, чаи пить!», «Куда нам с посконным рылом, да в суконный ряд!».

Кротость. Кротость узнается прежде всего по благодущию, по простоте сердца, Щедрин изумлялся многочисленностью благодущных типов в простом народе, и А.П. Чехов восторгался: «Боже мой, как богата Россия, хорошими людьми? Нашему восприятию «хороших, благодущных» соответствует простое отсутствие в людях дерзости. Дерзость многолика: дерзость словом (колкости, злоречие, язвительность, высокомерие, заносчивость, чванство, спорливость болтливость, кощунство, ернивание), дерзость жестом, позой («ходит ребром и говорит козырем», обилие же-

стов, вычурность жестов и поз, театральность, дерзкие прикосновения, власть, презрение, похоть и т.д., - явленные через телесный образ), дерзость взгляда (настырный, изучающий, гордый, тщеславный, завистливый, ревнивый, осуждающий, любопытный и т.д. - взгляд), дерзость в характере (буйный нрав, драчливость, вспыльчивость, раздражительность, гневливость, яростность, заносчивость, высокоумие, властолюбие коварство, упорство, нахальство, упрямство, злопамятность, осудительность, ироничность, ехидство, посмешничество, лицемерность, льстивость, доносительство, лжесвидетельствование, клятвопреступность, вообще - лживость).

Кротость состоит, в самом общем смысле, в укрощении своего «злого сердца», искоренении гордости и тщеславия и почитании всех других выше себя. Господь благоволит смиренному и кроткому. Господь наставлял апостолов в духе кротости: «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою». «Кротции наследят землю». Кротость - не унижение. Чувствовать себя униженным может лишь гордый. Кротость есть результат честного и полного созерцания всех своих грехов, сокрушения о множестве пороков своих, прощения пороков и недостатков в окружающих и почитание всех лучше и выше себя на основании всепрощения и любви к ближним и взыскательности к себе. Доброжелательным к вам гордый не может быть, а может быть лишь кроткий.

Духовный контроль слова. Мудрым выдает себя - гордый, а, действительно, мудрый, но - кроткий - не спешит со словом, никогда не перебьет, не будет говорить если его не спрашивают, будет говорить кратко, чтобы не оскорбить невежливостью или не утомить докучливостью, ввязываться в спор и краснобайствовать - это кроткому стыдно. Русские люди не любили показывать себя словоохотливыми, мудрыми. В христианской аскетике эта черта производна от исихазма - священного безмолвия [Киприан (Керн), 1996, 27]. Исихазм как особая форма духовного сосредоточения, намечает путь духовного развития: преображение сердца - через священнобезмолвие чувств (блокировка страстных образов и плена впечатлений); преображение сердца - через исихию ума (борьба с вихрями суетных мыслей - «погружение ума в сердце»), преображение воли - через кеносис (отречение от своей страстной воли и предание в волю Божию). На внешнем плане исихазма - это укрощение болтливости, усмирение языка.

«Не ищи мудрости, ищи кротости», - повторяли русские святоотеческие наставления, помятуя слова апостольские часто читаемые в церкви: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное», многие обращали внимание на Русь молчаливую: «Народ безмолвствует», - как философский рефрен звучит в пушкинском «Борисе Годунове». Иным интеллигентам молчание русского

казалось признаком его темности, неразумия, но пронизательные видели не просто молчание, а «молчание с умом». Скольких умников вводил в заблуждение «мужицкий нрав»: молчит себе, отвечает вроде невпопад (часто умышленно «невпопад»), а спустя значительное время, когда умники не ждут и ничтожной сообразительности, вдруг кратким и точным словом определяет ситуацию.

Болтуны были на Руси не в почете. «Рассказчики не годятся в приказчики». Как начинает говорить «красно, да вычурно» - в том вруна подозревают, говоря о таких: «От семерых собак на перекрестке отбрешется», «С личика яичко, а внутри болтун», «Ему семерых посади - всех до смерти заврет». Болтливость от гордости, а гордый - психологически «не русский», болтливость - знак лукавства. Говорить красно и многоречиво - значит не уважать людей: «Как станет городить - себя не помнит, людей не знает», «Недолгая речь хороша, а долгая - поволока».

Воздержание от любопытства. Любопытно типичное поведение русского человека в споре, гневливых нападках на него. Ответное поведение - помалкивание, невозмутимое благодушие («Молчит - ум копит», «Ему хоть плюй в глаза - все Божья роса»), - и уже это трудно перенести гневливому, он оскорбляется отсутствием противостояния и это мешает удовлетворению гнева, Если нападки усиливаются, то, к неистовству оскорбителя, русский мужик имеет обыкновение искренне соглашаться и даже усиливать навет, как бы дружелюбно помогать словесным посрамлениям: «Так, так, такая у нас мужиков дурацкая натура, намедни у нас даже такой случай был ... ?». Предельные агрессии оскорбителей и гневливцев отбивались часто евангелической формой поведения: «Ненавидящие и любящие, простите меня», - говорил кроткий медленно, сердечно, с искренним доброжелательством в глазах и поясным степенным поклоном. Гневный захлебывался гневом, но сказать после этого вообще нечего. Удар кротостью нестерпимо болезненно воспринимается. «Кроткое слово гнев побеждает».

Скромность. Если уж болтун на Руси был не в чести, то хвастун и показушник - тем паче типичны: скромность обращений, уверенное, достойное, но при этом скромное поведение. Важничанье, заносчивость, франтоватость - самый первая тема забористых, острых частушек, метких и прилипчивых прозвищ, от которых хоть беги. Из скромности не принято было вслух даже близких людей высказывать свои задумки и планы, пока делом не осуществится. Наперед говорить о чем-то даже мистически боялись - не исполнится. Бог самонадеянным противится. Если русским свойственна неумеренность в порывах чувств («гулять так гулять, работать так до упаду»), то, в одежде, внешнем виде - явно присутствует мера. Как попало «на люди» идти стыдно, не прилично, неуважение к людям, но и

обнаруживать в одежде изысканность щеголеватость - стыдно, не скромно. Твердо держались правила: «По Сеньке шапка», - бедный, так одевайся прилично, но по достатку, купец - ходи купцом, а не барин. Свой костюм у чиновников, причем с градациями «дозволенного» в зависимости от должностного положения и от ведомственной принадлежности. Кто не в своем костюме - карьеры не сделает. В народе ясно выражено восприятие «своего места» в ряду других по положению, по сословию, по состоянию, по роду - племени и т.д. Поведения, выходящее из этих градаций, оценивалось как нескромное. Проявлено было и понятие «чести» - достойного представления «своей общественной, родословной, имущественной, образовательной ниши». Блюсти честь и сохранять скромность - составлявшие достойного поведения: «Каков сан, таков и почет», «честь чести на слово верит», «не богат, да славен: тот же барин», «не по чести слово!», «честь ум рождает, а бесчестье - и последний отнимает», «на дурака чести не напасешься», «честь честью, а слава не хороша», «хоть плетями высеки, а чести не лишаи», «бесчестье хуже смерти».

Сердечность. Легре писал о русских: «Я не знаю народа более обаятельного». Вся «энергия», не вложенная русскими в законы и в хозяйство - собирается в его сердце, в жизни «по сердцу» более, чем в жизни «по уму». Легре говорит, что, не зная более обаятельного народа, он «не знает и более обманного», указывая не на лживость, а на непоследовательность и непредсказуемость поведения и, это - его вновь поражает. Сердце не только возгорается, но и переменяется, прелagается (прелagаться - изменяться; Г.А.) в своих настроениях - один бурный поток сменяется другим, или горение «сейчас» может легко смениться «льдом» бесчувствия «потом». Но европейский рационализм угашает все эти движения логикой целесообразности и последовательности, предсказуемости в социальной «жизни по правилам», а у русских логика подчинена сердцу, поэтому европейская логика всегда «обманывается» относительно «русского сердца» и его якобы «неправильной» стихии [Гайденок, 1991, 13]. И Легре объясняет необязательность русских неожиданной сменой чувств, а не склонностью к плутовству или лживости.

Н.О. Лосский пишет [Лосский, 1991, 30], что англичане и американцы не понимают собеседника, когда тот делает грамматические ошибки или ошибки произношения в своей речи, а русские - при любых ошибках и неправильностях речи прекрасно понимают собеседника. Добавим, что русские понимают собеседника, когда он говорит совсем о другом, когда его речь состоит из одних междометий и выдохов, взглядов и мимики. Русские люди прекрасно понимают молчание собеседника.

Когда русские говорят о других людях, то часто пародируют их, воспроизводить голоса и манеры, взгляды и ужимки тех, о ком рассказывают.

Это яркая отличительная черта русского общения: являемая не только в душевности, но и в упражнении своей души воспроизводить образы душ всех окружающих. Отсюда у русских, как ни у какого иного народа, развилась и потребностей способность копировать, подражать другим культурам. Мы увлекались полячеством, онемечивались, офранцуживались, принимались жить на английский манер. Главное здесь в сердечной ориентированности. Запад расширял логику и сжимал область чувства, а русский образ жизни так развил потребности сердца, что оно, расширившись, не удовлетворяется обыденным материалом жизни и ищет себе дополнительную работу: живя по-русски, успеть еще пожить и жизнями других народов и культур. Русские ищут все новую и новую работу для полноты сердечной жизнедеятельности: если нет работы для сердца (любви ли, бунта ли, ретивости ли), то и жизнь не в радость. Это суетная душевная сердечность, но и она случается, когда сердечности духовной становится меньше.

Вслушаемся в философию «русской души» через поговорки и пословицы. «Нет ценности выше супротив любви» - у русских «нет», а у европейцев и американцев «есть» и много. «В милом нет постылого, а в постылом - милого» - максимализм, потребность абсолютного добра и чистоты. Ум может принимать в себя не «чистые» мысли, противоречия, неполные условия, а сердце - содрогается от не «чистых» чувств и стремлений, оно разрывается от противоречивых состояний и не выносит их, мечется, стонет, оно сокрушается, когда не достигает полноты и требует полноты, максимума, Абсолюта. Так и народы различаются: те, которые живут «по уму», от тех, которые живут «по сердцу». «Нет того любее, как люди людям любы» - живущий по сердцу, всецело стремится к единению с другим живущим по сердцу. Отсюда стремление к «соборности» и отвержение «корпоративности» как искусственной и неподлинной жизни, составленной компромиссами, правилами, условностями. Сердечная жизнь всегда сталкивается с несовпадениями и противоречиями: «Горе с тобою, беда без тебя» - это выражение драматизма, страдательности и жертвенности сердечной жизни. «Душа не стерпит, так сердце возьмет». Внешне - это иррационально и не понятно для европейцев. Но русский язык сердца понятней языка ума. Порою русский человек выглядит: «Сам с воробья, а сердце с кошку», «Где ногой ступит, там трава, не растет», «Словно топор: не обрежет, так зашибет», «Глядит, ровно семерых проглотил, а осьмым подавился». Несвободно сердце от страстей и душевное уродство проявляется в движениях сердечной жизни, но не душевностью, а духовностью содержится русское сердце, от душевности – народ шел к духовности. Русские, утомленные неурядицами, трудностями внешней жизни России, и эмигрировавшие на Запад, весьма скоро чувствуют постылость «комфортного рая» из-за сухости сердечной жизни Европы. Россия прекрасно понимается сердцем,

язык сердца не переводится, как известно, в язык слов поэтому и говорят: «Молчит Россия», «немотствует», «не отвечает» - уму не отвечает, но говорит, отвечает - сердцу, это «Страна Сердца» и «сердечность характера» - стержень личности в людях, живущих в этой Стране.

Духовная одаренность. В древнем Киеве, только еще воспринявшем христианство было восемь рынков и сорок церквей. Такое заметное смещение в сторону духовных устремлений, против экономических было характерно в период становления Руси. О средневековой Москва уже говорили: «Сорок. сороков» и это не метафора и не гипербола - это реальность. Русский народ – это народ, выросший в Церкви. Великий сонм святых в земле российской просиявших. Нет этого сонма в Европе. Жизнь в Церкви исполнила русский народ многих духовных дарований. Не было монастыря без одаренные свыше: кто даром духовного рассуждения, кто прозорливостью, кто исцелением немощных. Проявились и духовно-нравственные дарования: смирение, кротость, нестяжательность, исповедничество, послушание, целомудрие, милосердие, странничество, воздержание. Дарования нравственные дополнялись дарованиями молитвенного делания, аскетическими дарованиями.

Социокультурные и психологические качества

Истовость. Распространено мнение, что русские ни в чем не знают меры, не могут держаться середины. Отдыхать - так, отдыхать. С гульбой и до изнеможения. Трудиться – так - до упада. Причем, до «русского упада», а пока он наступит – кони выдохнутся – «суперстахановство». Говорят, «Что русскому здорово, то немцу - смерть». Истовость в естественной жизни А.П. Карсавин выразил способностью русских переходить «от невероятной законопослушности до самого необузданного бунта» [Антология русской философии, 2000, 6; Карсавин, 1992, 26]. Но, в порядке уточнения: не законопослушность, а властепослушность была у русских, ибо, законов не было. Есть какой - либо закон или нет его (никто этого толком не знал), но, то, что приказал начальник, чиновник, барин, - то и есть указ. В России не было законников, были приказчики и послушники (эти слова вполне можно употреблять расширительно, для выражения сути русской психологии). Если какой-нибудь социалист, выдумщик новой правды, агитировал насчет того, что ваш барин неправ - незаконного требует - такого не слушали и сторонились. Для русского человека власть и есть закон, и она выше законов писанных, мертвых, - власть говорит духом своим и волею живую, она закон живой.

Восприятие русских иностранцами. С. Грахам писал: «Русские - вулканы, или потухшие, спокойные или в состоянии извержения. Под поверхностью даже и самых спокойных и глупых таится жила энергии расы, ведущая к

внутреннему огню и тайне человеческого духа». - Гиппиус поражаюсь крайностям в Л. Толстом: «Толстой не сгонял мух, облепляющих его лицо во время работы». Правда она полагала, что Толстой таким образом манерничал, но, думается, что это могла быть или «истовость сосредоточения внимания» на мыслях, на работе до той степени, что он не замечал окружающего и своих внешних ощущений. «Истовость воли» побуждающей не отвлекаться на пустяки. Кстати, кроме Толстого мы могли бы привести и всех русских вообще, а особенно женщин во время сбора ягод: не то что от мух не отбиваются, но и гнуса, комаров, мошкары в кровь искусывающих руки, ноги, лицо, спину. А какой плотник или пахарь дело свое бросят из-за этих обстоятельств. Истовость долготерпения здесь и истовость воли, и покорность обстоятельствам, которые не только комариными невзгодами, а вечными нуждами и страданиями на протяжении всей жизни почти каждого русского человека закалили его характер. Русский и на сильном морозе кое как одетый, и в зной без глотка воды трудится так, что семеро не угонятся – тоже истовость. Истовость возникает (кроме случаев истового фанатизма) как выражение силы духа, развитого чувства долга, непоколебимой веры, как выражение деятельной любви к ближнему [Ильин, 2004, 23]. В истовости лежит вкорененная привычка сражения с немощью тела, принцип непоблажать его слабостям [Ильин, 1993, 25]. Есть поговорка – эталон, которой пользовались как практической педагогией: «держи голову в холоде, брюхо - в голоде, а ноги в тепле» – т.е. держать себя мужественно, держать тело в «ежовых рукавицах», но держать разумно, без фанатизма – «ноги – в тепле».

Тайна «незавершенности и неопределенности» русского характера. Достоевский писал о принципиальной незавершенности и неопределенности русского характера и выразил это таким афоризмом: «Формы и места не имею» другими словами, всякая форма поведения, всякий поступок («жест») как бы неполон, не завершен [Мочульский, 1995, 38]. Прежде всего, неполнота и незавершенность связаны с тем, что надобно дать место «Тайне», возможности непредсказуемого изменения ситуации в связи с тем, что русские люди мистической интуицией вслушиваются в жизнь, в других людей и в Тайну Промысла Божия, наперед не строя планов, а импровизируя на ходу по голосу внутренней интуиции. Неопределенность и незавершенность дают возможность для психологичности природы (определенность и завершенность - от логики, а психологизм - от сердца), для гибкости и многовариантности поведения. Завершенность характера возникает при завершенности личности [Карсавин, 1992, 26]. Пока развивается личность – развивается характер. Незавершенность может быть от расхлябанности, а может быть от динамичности природы, от внутренней сложности ума и чувств.

Мягкость характера. Характеры у русских встречаются разные и не только мягкие, однако, если говорить о типическом, то - русские обладают особой смягченностью характера. Твердость, яркое мужское начало у мужчин сочетаются с ласковостью, уступчивостью, сочувственностью. Это многим давало повод говорить о «женственности русского человека». Но в этом вопросе Ф.М. Достоевский более прав: «Говорят, что у русского народа - женственная природа. Это неверно (он) в высшей степени мужественен; но в нем обязательно сочетание с женской мягкостью». У мужчин мужественность сочетается не с женской мягкостью. Ласковость и сочувственность - от христианского добротолубия, любви к ближнему, от сердечного, а не рационалистического устройства отношения с людьми и всего строя жизни. У женщин также усилены: сострадательность, сопереживательность, жертвенное участие в чужих детях, услужливая заботливость о путниках, странниках, сердечное и деятельное участие в обращении с терпящими страдания и трудности. Это не «женственность в квадрате», а воплощенная в ней христианская любовь и, именно этим, умножается сила ее женской природы и полнота материнства. Инстинкт «матери» у многих женщин изобильно изливается и на чужих детей.

Эмоциональный энтузиазм. Этим термином Макс Шелер описывал особенность побуждения воли у русских людей. Он говорил, что, как - будто, у нас русских, есть «специальный орган» для приобщения к ценностям, привлекательным для нашего хотения, влечения, стремления, этим органом он называл чувство, обостренное субъективное переживание. Ценности, побуждающие волю европейца, тоже стимулируют у них чувства, но чувства русских поднимаются до такого душевного состояния, что порождают особые формы поведения в переживании «ужаса, жути и видах смелости, удовольствия и неудовольствия, различных оттенков гнева, печали, радости, чувства благоговения, умиления, доверия, властолюбия, зависти, честолюбия».

Дело в том, что сам строй и разнообразие, все течение чувств, природа, покррой чувств и их стиль у русских имеет разительное отличие от европейцев в частности, да и вообще от других народов мира [Бердяев, 1991, 10]. По этим признакам русских за границей узнают без слов: по походке, по мимике, по жестике, по позам и, тем более, в манерах речи, в конституции всего поведения.

Сила воли. Могучая воля - яркая черта русских людей. Скрытые и «тихие» ее формы, неброские проявления в огромной долготерпеливости выработанной веками. Терпение великих материальных и экономических трудностей, суровую климата, бесправия. Европа не знает подлинного христианского пощения, а большая часть русского народа, во время Великого поста ела через день и единожды в день по корке хлеба с квасом.

Деятельные формы проявления воли широко обнаруживались в трудолюбии: целодневное не разгибание спины, быстрый темп в тяжелой работе, стыжение даже малых перерывов в страдное время.

Жалостливость. Ф.М. Достоевский приводил пример времен «Севастопольской Кампании»: было много раненых; раненых французов уносили на перевязку в первую очередь, потому, что русские раненые уступали своим врагам и при этом говорили: «русского -то всякий подымет, а француз - то чужой, его прежде пожалеть надо». На русской земле жалостливо относились к преступникам, шествующим по этапу. Их подкармливали, давали вещи. К преступникам относились как к несчастным, не любя их злодейств, но жалея их в наказании и за то, что причиной преступления стала порча души, возможно от неласковой жизни, от горя и тягот. Кроме того, евангелическое сознание однозначно требовало сострадательности и милосердия как к нищим, убогим, голодные, больным, так и к томимым в тюрьмах и неволе. Из жалостливости и доброты – «всем миром» помогали погорельцам, в случаях падежа скота. «Всем миром» строили нуждающимся дом, со всего мира собирали в складчину деньги, чтобы отправить какого-нибудь одаренного мальчика на учебу в город.

Уважительность. Н.О. Лосский пишет: «У крестьян была своя культура, иная чем у интеллигенции ... Войдя в избу, он прежде всего крестился на икону, и потом отвешивал поклоны всем присутствующим по определенному порядку, степенно, не торопливо» [Лосский, 1991, 30]. Одна из ведущих ценностей во взаимоотношениях русских людей - уважительность. Существует много ритуалов «уваживания». Засылают сватов и дружек, те, в изысканных и изобретательных, психологически тонких прибауточных обрядах, прежде всего «уваживают» невестиных родителей, потом идут «почитальные обряды», «величальные присказы», искуснейшие «славословия»; часто исполняются «нарочитые небрежности» и «игривые худословия» как парадоксальные формы выражения особого уважения - парадоксальные «хвалебные ругания». В деревнях и в городах принято было (кто ежедневно, кто месячно, часто – понеделньо) совершать гостевые обходы близких, родных и знакомых, как отдавание долга уважительности, заботливости и любви. Визиты приурочивались к датам по церковному календарю и имели не только родственнический смысл. Целый «институт ритуалов, и обрядов» существовал в деревне по уважению каждой профессии сельской особо: особо чествовали и уваживали печника, особо - плотника, особо - колодезного. Случись у кого горе, далеко не только родня - все тянутся «уважить» горе. Если кто-то не умел прощать обид сразу и по неделям «дулся» - тех жалели, а кто был неуважительным с другими - тех переставали замечать вовсе и говорили «живет бирюком». Деревенский закон: кивать, кланяться встречному желать здравствования и обязательно обменяться краткими распросами, которые делаются толь-

ко лишь для подчеркивания «не поверхностного уважения». Незнакомый путник, проходящий через деревню, также здоровался и уваживался в ответ деревенскими.

Гостеприимство. Гостю рады, его принимают с душевностью, однако, мы не встречаем здесь подобия восточных форм гостеприимства. Гостеприимство востока имеет много помпезности, тщеславного фанфаронства, щегольства роскошными приемами, соревнования в славословии, ритуалами восточных пиров. Все это «гордое гостеприимство» и оно скорее смущает, чем радует. Православному гостю подобное внимание повод досадования, поскольку «гордое гостеприимство» провоцирует тщеславную страсть. Русские смотрят на гостя как на посланника Божия и принимают его в духовных традициях православия. В гости «Бог велит всех звать», на ленивых ходить в гости слегка подсерживались: «Живет за рекой, а к нам не ногой», «Как молодой месяц покажется, да опять спрячется». Гостей зазывали: «Просим на избу: красному гостю красное место». Жданным и неожиданным гостям радовались: «Незванный, да желанный», «Желанный гость зову не ждет», «Нежданный гость лучше двух жданных», «Гость на гостя - хозяину радость». Приему гостя в благочестивых семействах придавали духовный смысл: «Честь да место. Господь над нами - садись под святые». Восточное гостеприимство сосредоточено на чувственных символах веле-речия, славословии, конкурсе застольных церемоний, дарах и ублажении честолюбивых инстинктов гостя. Западное гостеприимство сосредоточено на ритуалах воздания должного социальному статусу гостя, изобилуют символы [Сергий Булгаков, прот., 1953, 11] рационалистической культуры, проявление сентиментально-чувственных сторон признается дурнотонным, а развитие глубоких душевных разговоров вызывает конфуз, шок, раскрытие сердца собеседникам воспринимается как инфантильность, ибо разрушает дежурно вежливую структуру рационализированного добродушия, людей возмущает, когда символическую вежливость принимают за «внимание всерьез».

Российское гостеприимство сосредоточено на задушевности, разговорах по сердцам. Главная часть не в застолье и застольных словах и обычаях, а в раскрытии сердца, глубоком, исповедническом разговоре о житье - бытие, о кручине души, о тайнах сердца, о волнующих сторонах личной жизни.

Психологизм. Отсутствие гражданских законов, неопределенность понимания и применения «указов», непредсказуемость поведения чиновников и судей стимулировали у русских людей все опоры и гарантии в личной и общественной жизни искать в человеческих отношениях, наведении «душевных мостов» и сердечных расположений между собой и окружающими. Это явилось социальным истоком развития глубоких психологических

даровании: пронизательности, эмпатии (способность вживаться в чувства и состояния других как в свои), наблюдательности, творческой восприимчивость [Лосский, 1991, 33].

Духовные истоки психологизма: молитвенный труд, в частности, упражнение в непрерывной «Иисусовой молитве», в руководство которой афонский старец Силуан советовал: «Держи ум вниманием в сердце». Ум не должен витать и отвлекаться (мудрствовать) в молитве, а всецело сосредотачиваться на том слове молитвы, которое произносится (держать ум в словах), а произносить слово нужно «умом в сокрушенном покаянном сердце». Таким образом, русский человек навикал непрерывно пребывать в состоянии погруженности в движения собственного сердца и, ведении контроля и духовного руководства сердечными порывами, отсекая вредные расположения сердца и стимулируя благотворные. Духовным деланием является постоянная установка, более того, целостная концентрация и ума, и сердца на задачу духовного трезвения и бодрствования. Большинство народа знало множество канонических молитв, а те, кто не знал, пользовались «простым молитвословием сердца»: бабуся уединялись и, по часу - полтора, вели простодушный рассказ Богу о всем, что мучит их в жизни, о невзгодах и трудностях, о болезнях и семейных нестроениях, и с таким подъемом чувств велись эти разговоры, что и тени сомнения не было - так можно беседовать с рядом сидящим и отвечающим тебе близким человеком. Это, безусловно развило глубокий духовный психологизм, а не плоско бытовой психологический самоанализ, и, вслед за тем, высочайшую способность психологического и нравственно-духовного проникновения в сердца других людей, — развился талант духовного и психологического сердцеведения, сердечного понимания, сердечного чувства.

Интеллектуальность. Сметливость, сообразительность издревле была свойственна русским. Не забывая свои ум тысячами законов и правил социального поведения, мы, естественно, отставали в социальных технологиях устройства жизни и управления; не засоряя свой ум великим множеством задач хозяйственного планирования и бытоустройства, - русские люди не угасили творческих способностей ума, простора мыследеятельности.

В начале XX века, западные исследователи обратили внимание, что способность к генерации новых идеи у русских значительно выше, чем у европейцев. Европейцы лучше используют свой ум в стандартных задачах и в практической реализации изобретений и открытий, а русские мало заботятся о реализации, но непрерывно создают сами эти новые идеи. Дети русских эмигрантов, пишет Н.О. Лосский всегда оказывались первыми учениками в европейских школах и университетах.

Имея великие умственные дарования русские не лезли из кожи вон, чтобы блеснуть и прославиться этим в мире. Начальные школы стали появляться в 16 – 17 веках, первые университеты - в конце 18 века, более широкая традиция вузовского образования развернулась к середине-концу 19 века. Европейские академии и институты развивались с 13 века. И, вдруг, с нуля, едва создав высшую школу и подготовив первую волну специалистов (за столетие) - Россия обогнала по числу изобретений и внедрений: «мастерскую мира - Англию, промышленного монстра - Германию, и культурную Францию - вместе взятых. И в культурном в промышленном, и в экономическом отношении Россия за сорок лет наверстала тысячелетие и вышла с последнего места в цивилизационном ряду - на первое. Есть чего испугаться Европе, но ничто не заставит ее отказаться от интеллектуальной кичливости, культурного презрения и духовной ненависти к России. Повсеместно наблюдаемый факт: при профессиональном общении коллег, европейские ученые и деятели культуры повторяют в точности то, что опубликовали в своих трудах (публикуясь они уже интеллектуально финишировали, достигли своего зенита), а русские не пересказывают своих трудов, но как бы с них только и начинают, импровизируя говорят много больше, чем до этого опубликовали. Не останови - без конца будут говорить новое и в глубь и вширь.

Интуитивизм. У нас любят слушать пророчества, предсказания, любят говорить о своих предчувствиях, интуитивных ожиданиях. У нас любят находить параллели между разными историческими случайностями и событиями, желая увидеть мистическую связь истории, тайные пружины развития, судьбу, рок, Промысел [Лосский, 1991, 33]. Все это свидетельствует об опоре сознания на интуицию больше чем на рациональные толкования. Любые рациональные объяснения слишком просты, ясны и слишком маловариантны, чтобы удовлетворить сложному, таинственному, многозначному и принципиально не предсказуемому до конца жизненчувствованию русских людей. Поэтому рациональные объяснения причин происходящего и рациональные прогнозы русским интересны, но кажутся маловероятными. Всякого рационалиста - толкователя «происходящего» - у нас выслушают, даже подражают позиции рассказчика, но в итоге – не поверят. Приоритет интуитивных ожиданий обозначается четко: духовная интуиция - начало русского ума, а рациональная логика лишь любимый костыль, съемный протез, без которого любит обходиться русский разум. Логика - придаток рассудка, а рассудок, в целом, не в большом почете перед разумом, ибо центром разума является духовная мудрость. У нас говорят: «Разум не велит, так ума не спрашивай».

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завета. Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова. М.: Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, Гл. 4 ст. 12, 17-19. 1525 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., Мысль, 1991.
3. Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья // Античность и Византия. М., 1975. С. 266-285.
4. Аверинцев С.С. Философия // Культура Византии. Вторая половина VII -XII в. М.,1989.
5. Антология педагогической мысли христианского средневековья. Т. 1. М., 1994.
6. Антология русской философии. Т. 1-3. СПб., Т.1-3, 2000.
7. Артамонов Г.Н. Душа: внутренний мир человека. / Учебное пособие. М., ГУУ, 2005, 342 с.
8. Артамонов Г.Н. Социология духовной жизни. Общие принципы и современные тенденции. / Учебник. Гриф МГУ: рекомендовано в качестве классического университетского учебника. М., ГУУ, 2012, 478 с.
9. Артамонов Г.Н. Социология духовной жизни. Аномалии духовной жизни. / Учебное пособие. Гриф МГУ: рекомендовано в качестве классического университетского учебного пособия. М., ГУУ, 2012, 483 с.
10. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991.
11. Булгаков Сергей, прот. Философия имени. Париж, 1953.
12. Вышеславцев Б. «Значение сердца в религии» //Путь.-М.: Информ-Прогресс,1992.
13. Гайденок П.П. Проблемы рациональности на исходе XX века //Вопр. философии.-1991.-N 6.
14. Григорий Нисский, преп. Об устройении человека. СПб., 1995.
15. Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, суеверия и поэзия. М, 1992.
16. Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. М. 1996.
17. Зеньковский В.В. Принципы православной антропологии. // Русская религиозная антропология. Т. 2. М., 1997.
18. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М-, 1996.
19. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Клион. 2002.
20. Зеньковский В. В. Психология детства. Екатеринбург, 1995. 324 с.
21. Игнатий Брянчанинов, святитель. Слово о человеке. СПб., 1996.
22. Игнатий Брянчанинов, святитель. Соч. Аскетические опыты. Т. 1,2. М., 1993.
23. Ильин И.А. Основы христианской культуры. СПб, 2004.
24. Ильин И.А. Путь к очевидности. Мыслители XX века. М., 1993.
25. Ильин. И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993.
26. Карсавин Л.П. О личности. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М., 1992.
27. Киприан (Керн), архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996.
28. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1988.
29. Лосский Н.О. Восприятие чужой душевной жизни//Логос, т.1,-1914.
30. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики: Характер русского народа.-М.: Политиздат. 1991.
31. Лосский Н.О. Органические и неорганические мировоззрения //Философский сборник. Л.М. Лопатину к 30-летию научно-педагогической деятельности.1881-1911. -М. :изд-во Моск.психол. об-ва. 1912.
32. Лосский Н.О. Типы мировоззрений: Введение в метафизику. Париж: изд-во Современные записки. 1931.
33. Лосский Н. О. Чувственная, Интеллектуальная и Мистическая интуиция. М., 1995.
34. Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ. Дух, душа и тело. Свято-Тихоновский Богословский Институт. М., 1997.
35. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб.: Изд-во Русск. христианск. гум. ин-та, 1997, 572 с.94.
36. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. М.: Высшая школа, 1986, 144с.
37. Михайлов Г. Ю. Наша душа. Онтология психической реальности. М. 1999.
38. Мочульский К. Гоголь, Соловьев, Достоевский. М., 1995.
39. Назаров М. В. Тайна России. Историсофия XX века. М., 1999.
40. Немезий, епископ Эмесский. О природе человека. М.: МГУ, 1996.
41. Николаева О. Современная культура и православие. М., 1999.
42. Русская религиозная антропология. Т. 1,2. М. 1997.
43. Феофан Затворник, святитель. Внутренняя жизнь. М., 1993.
44. Феофан Затворник, святитель. Начертания христианского нравоучения. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994 Т. 1,2.

45. Феофан Затворник, святитель. Путь ко спасению. (Краткий очерк аскетике). М., 1899.
46. Феофан Затворник, святитель. Страсти и борьба с ними. М., 2003.
47. Феофан Затворник, святитель. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л., 1991.
48. Франк С. Л. Душа человека // Париж, Имка-Пресс, 1964.
49. Савва Схиигумен. Опыт построения истинного мирозерцания. М.: Паломник. 2000.

References

1. Bibliya. Knigi Svyaschennogo Pisaniya Vethago i Novago Zaveta. Kniga Premudrosti Iisusa syina Sirahova. M.: Izdanie Svyato-Troizkoy Sergievoy Lavryi, Gl. 4 st. 12, 17-19. 1525 s.
2. Abulhanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni. M., Myisl, 1991.
3. Averintsev S.S. Poryadok kosmosa i poryadok istorii v mirovozzrenii rannego srednevekovya // Antichnost i Vizantiya. M., 1975. S. 266-285.
4. Averintsev S.S. Filosofiya // Kultura Vizantii. Vtoraya polovina VII -VIII v. M., 1989.
5. Antologiya pedagogicheskoy mysl'i hristianskogo srednevekovya. T. 1. M., 1994.
6. Antologiya ruskoy filosofii. T. 1-3. SPb., T.1-3, 2000.
7. Artamonov G.N. Dusha: vnutrenniy mir cheloveka. / Uchebnoe posobie. M., GUU, 2005, 342 s.
8. Artamonov G.N. Sotsiologiya duhovnoy zhizni. Obschie printsipy i sovremennyye tendentsii. / Uchebnik. Grif MGU: rekomendovano v kachestve klassicheskogo universitetskogo uchebnika. M., GUU, 2012, 478 s.
9. Artamonov G.N. Sotsiologiya duhovnoy zhizni. Anomalii duhovnoy zhizni. / Uchebnoe posobie. Grif MGU: rekomendovano v kachestve klassicheskogo universitetskogo uchebnogo posobiya. M., GUU, 2012, 483 s.
10. Berdyaev N.A. Samopoznanie. M., 1991.
11. Bulgakov Sergiy, prot. Filosofiya imeni. Parizh, 1953.
12. Vyisheslavtsev B. «Znachenie serdtsa v religii» //Put.-M.: Inform-Progress, 1992.
13. Gaydenko P.P. Problemy ratsionalnosti na ishode XX veka //Vopr. filosofii.-1991.-N 6.
14. Grigoriy Nisskiy, prep. Ob ustroenii cheloveka. SPb., 1995.
15. Zabyilin M. Russkiy narod, ego obyichai, obryady, sueveriya i poeziya. M, 1992.
16. Zarin S. M. Asketizm po pravoslavno-hristianskomu ucheniyu. M. 1996.
17. Zenkovskiy V.V. Printsipy pravoslavnoy antropologii. // Russkaya religioznaya antropologiya. T. 2. M., 1997.
18. Zenkovskiy V. V. Osnovy hristianskoy filosofii. M-, 1996.
19. Zenkovskiy V. V. Problemy vospitaniya v svete hristianskoy antropologii. Klin. 2002.
20. Zenkovskiy V. V. Psihologiya detstva. Ekaterinburg, 1995. 324 s.
21. Ignat'y Bryanchaninov, svyatitel. Slovo o cheloveke. SPb., 1996.
22. Ignat'y Bryanchaninov, svyatitel. Soch. Asketicheskie opytyi. T. 1,2. M., 1993.
23. Ilin I.A. Osnovy hristianskoy kulturyi. SPb, 2004.
24. Ilin I.A. Put k ochevidnosti. Myisliteli XX veka. M., 1993.
25. Ilin. I.A. Aksiomy religioznogo opyita. M., 1993.
26. Karsavin L.P. O lichnosti. Religiozno-filosofskie sochineniya. T. 1. M., 1992.
27. Kiprian (Kern), arhimandrit. Antropologiya sv. Grigoriya Palamyi. M.: Palomnik, 1996.
28. Losev A. F. Derzanie duha. M., 1988.
29. Losskiy N.O. Vospriyatie chuzhoy dushevnoy zhizni//Logos, t.1,-1914.
30. Losskiy N.O. Usloviya absolyutnogo dobra: Osnovy etiki: Harakter russkogo naroda.-M.: Politizdat. 1991.
31. Losskiy N.O. Organicheskie i neorganicheskie mirovozzreniya //Filosofskiy sbornik. L.M. Lopatinu k 30-letiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti.1881-1911. -M. :izd-vo Mosk.psihol. ob-va. 1912.
32. Losskiy N.O. Tipy mirovozzreniy: Vvedenie v metafiziku. Parizh: izd-vo Sovremennyye zapiski. 1931.
33. Losskiy N. O. Chuvstvennaya, intellektualnaya i Misticheskaya intuitsiya. M., 1995.
34. Luka (Voyno-Yasenetskiy), arhiepiskop. Duh, dusha i telo. Svyato-Tihonovskiy Bogoslovskiy Institut. M., 1997.
35. Mamardashvili M.K. Psihologicheskaya topologiya puti: M. Prust «V poiskah utrachennogo vremeni». SPb.: Izd-vo Russk. hristiansk. gum. in-ta, 1997, 572 s.94.
36. Mamardashvili M.K. Formy i sodержание myshleniya. M.: Vysshaya shkola, 1986, 144s.
37. Mihaylov G. Yu. Nasha dusha. Ontologiya psihicheskoy realnosti. M. 1999.
38. Mochulskiy K. Gogol, Solovev, Dostoevskiy. M., 1995.
39. Nazarov M. V. Tayna Rossii. Istoriyosofiya XX veka. M., 1999.
40. Nemeziy, episkop Emesskiy. O prirode cheloveka. M.: MGU, 1996.
41. Nikolaeva O. Sovremennaya kultura i pravoslavie. M., 1999.
42. Russkaya religioznaya antropologiya. T. 1,2. M. 1997.
43. Feofan Zatvornik, svyatitel. Vnutrennyaya zhizn. M., 1993.
44. Feofan Zatvornik, svyatitel. Nachertaniya hristianskogo npravoucheniya. Svyato-Uspenskiy Pskovo-Pecherskiy monastyir. 1994 T. 1,2.

45. Feofan Zatvornik, svyatitel. Put ko spaseniyu. (Kratkiy ocherk asketiki). M., 1899.
46. Feofan Zatvornik, svyatitel. Strasti i borba s nimi. M., 2003.
47. Feofan Zatvornik, svyatitel. Chto est duhovnaya zhizn i kak na nee nastroitsya. L., 1991.
48. Frank S. L. Dusha cheloveka // Parizh, Imka-Press, 1964.
49. Savva Shiigumen. Opyit postroeniya istinnogo mirosozertsaniya. M.: Palomnik. 2000.